

Некоторые особенности оформления прямого дополнения в марийском языке

С. Ю. Толдова,

Н. В. Сердобольская

(Московский государственный университет)

1. Введение

1.0. Одним из интереснейших вопросов марийского синтаксиса, вызывающих множество споров среди исследователей, является вопрос о двух различных способах оформления прямого дополнения. В марийском языке прямое дополнение обычно оформляется винительным падежом (показатель $-(ə)m$):

- (1)а. *tuvər-əm urg-aš lij-eš.*
платье-ACC сшить-INF можно-PRS3SG

Можно сшить платье.

Однако употребление данного показателя не всегда обязательно. Так, (1б) является грамматически правильным предложением, хотя показатель винительного падежа при прямом дополнении отсутствует:

- (1)б. *məj-ən tuvər urg-aš kül-eš.*
я-GEN платье сшить-INF быть.нужным-PRS3SG

Мне нужно сшить платье.

При этом в (1б) существительное, занимающее позицию прямого дополнения, по форме совпадает с именительным падежом.

Аналогичное явление, т.е. когда прямое дополнение может не оформляться винительным падежом, наблюдается и в других финно-угорских языках (например, в удмуртском ([Алатырев 1970]), коми ([Цыпанов 1997]) и др.), а также в тюркских языках (например, в турецком ([Кононов 1956]), тувинском ([Mugavuoova 1992]), хакасском и др.).

1.1. Проблема оформления прямого дополнения оказывается “камнем преткновения” для многих исследователей. Дело в том, что выбор одного из двух способов оформления (наличие vs. отсутствие показателя винительного падежа) не подчиняется в этих языках строгим синтаксическим правилам.

Во-первых, как правило, существует множество примеров, когда оба способа оформления допустимы в равной мере. Такая картина наблюдается и в марийском языке:

- (2) *kütü / kütü-m čumər-aš məj pij-lan šüškalt-əš-əm.*
стадо / стадо-ACC согнать-INF я собака-DAT свистнуть-AOR-1SG

Чтобы согнать стадо, я свистнул собаку.

Во-вторых, несмотря на то, что в ряде контекстов существуют ограничения на опущение показателя винительного падежа, эти ограничения не всегда обусловлены чисто грамматическими причинами. Так, в примере (1в) вариант с опущенным показателем винительного падежа отвергается носителями языка:

- (1)в. – *tide materjal gəč mo-m urg-aš lij-eš?*
этот материал из что-ACC сшить-INF можно-PRS3SG

– *tuvər-əm / *tuvər urg-aš lij-eš.*
платье-ACC / платье сшить-INF можно-PRS3SG

Что из этого материала можно сшить? – Можно платье сшить.

Отметим, что второе предложение в (1в) не является грамматически неправильным. Вне данного контекста оба варианта расцениваются как приемлемые (ср. также (1б), где в том же самом, что и в (1в), инфинитивном обороте отсутствует показатель винительного падежа при существительном *tuvər*).

Вопрос о том, какие факторы влияют на выбор формы прямого дополнения в упомянутых выше языках, вызывает множество споров. В данной статье предполагается рассмотреть некоторые из таких факторов, причем особое внимание будет уделено коммуникативной структуре высказывания. В нашу задачу входит установить, каким образом коммуникативный статус именной группы, занимающей позицию прямого дополнения, и предиката, к которому эта именная группа относится, влияет на выбор того или иного способа ее оформления. Мы также постараемся показать, что во многих случаях данный фактор является решающим при выборе формы прямого дополнения.

Предлагаемый анализ основывается на материалах суржанского диалекта лугово-восточного марийского языка, собранных в ходе работ Поволжской лингвистической экспедиции летом 2000-2001 гг. в селе Старый Торъял.

1.2. В различных исследованиях, посвященных оформлению прямого дополнения в марийском языке, используются различные термины. Говорят о “неоформленном винительном падеже” ([Пенгитов 1951], [Галкин 1964], [Андуганов 1991]), “немаркированном имени” ([Тужаров 1984]), “абсолютной форме имени” ([Тужаров 1987]) и т.п. Тужаров в своих работах приходит к выводу, что в данном случае следует говорить о возможности оформления прямого дополнения в марийском языке именительным падежом ([Тужаров 1987], [Тужаров 1998] и др.). Оставляя в стороне вопрос о корректности того или иного термина, будем говорить о

“немаркированном прямом дополнении”, имея в виду, что в данном случае именная группа в позиции прямого дополнения не присоединяет показателя аккумулятива.

1.3. Следует оговориться, что, в отличие от большинства других упомянутых выше языков, в марийском неформальное прямое дополнение, как правило, не допустимо в финитной предикацииⁱⁱ (см. также [Пенгитов 1961], [Тужаров 1987] и др.). Так, в примере (3а), где сказуемое выражено финитной формой глагола, показатель винительного падежа обязателен:

- (3)а. *tudo *vüid/ vüid-əm ju-ən/ ju-eš.*
этот вода / вода-ACC пить-PRT.3SG / пить-PRS.3SG
Он выпил воды/пьет воду.

Сравним (3а) с (3б), где существительное *vüid* “вода” занимает позицию прямого дополнения в зависимой предикации с предикатом, выраженным деепричастием с показателем *-meke*.

- (3)б. *tudo vüid / vüid-əm ju-meke paša-m əšt-aš tiin'al'e.*
этот вода / вода-ACC пить-CONV работа-ACC делать-INF начать.AOR3SG
Выпив воды, он начал работать.

То есть прямое дополнение может не оформляться показателем винительного падежа только в конструкциях с нефинитными формами глагола:

- (4) *məj keče vašlij-aš-lan vaške kən'el-am.*
я солнце встретить-INF-DAT рано встать-PRS1SG
Я встаю рано, чтобы встречать солнце.
- (5) *pərəs-vlak-ən kajək kuč-əm-əm čəlan pal-at.*
кошка-PL-GEN птица ловить-INACTN-ACC все знать-PRS3PL
Все знают, что кошки ловят птиц.
- (6) *vujlatəše vašlij-še jeŋ-lan mašina kiil-eš.*
начальник встречать-PART человек-DAT машина быть.нужным-PRS3SG
Человеку, который встречает начальника, нужна машина.

В (4) немаркированное прямое дополнение находится в инфинитивном обороте, в (5) – предикат, от которого оно зависит, выражен отглагольным именем с суффиксом *-m-*, в (6) – причастием с суффиксом *-š-*.

Необходимо также отметить, что, во-первых, во всех этих примерах нефинитная форма глагола оформляет предикат в зависимой предикации. Показатель винительного падежа в большинстве случаев не опускается, если нефинитной формой глагола выражено сказуемое простого предложения. Во-вторых, во всех таких конструкциях субъект либо не выражен совсем, как, например, в конструкции с инфинитивом, либо не оформляется именительным падежомⁱⁱⁱ (например, при отглагольном имени, см. (6)). В третьих, если можно выделить ряд контекстов, где употребление немаркированного прямого дополнения расценивается носителями языка как неприемлемое, то нам практически не встретилось примеров, где бы носители языка запрещали оформление прямого дополнения показателем винительного падежа. Во втором случае, речь скорее шла о том, что его опущение предпочтительно, и о том, что вариант с немаркированным прямым дополнением звучит более естественно.

Таким образом, марийский язык накладывает ряд специфических синтаксических ограничений на возможность употребления немаркированного прямого дополнения. Несмотря на это, как марийские исследователи, так и исследователи других языков во многом сходятся при выделении основных факторов, влияющих на выбор того или иного способа оформления.

2. Структура именной группы и ее референциальный статус

2.0. Наиболее часто в этой связи называют фактор определенности / неопределенности именной группы. Считается, что именные группы, относящиеся к конкретному, известному референту, имеют тенденцию получать аккумулятивное оформление, а нереферентные, неопределенные именные группы – нет. Как отмечают многие тюркологи, при выборе оформления прямого дополнения часто более существенную роль играет не фактор известности / неизвестности, а фактор “специфичности / неспецифичности” (см., например, +specific / -specific в [Johanson 1977]). Иными словами, большое значение при выборе оформления прямого дополнения имеют референциальные характеристики именной группы, то есть, тот тип соотношенности с действительностью, который задается данной именной группой.

В финно-угроведении также обычно говорят об “определенности / неопределенности” именной группы (ср. например, [Алатырев 1970] для удмуртского языка, [Цыпанов 1997] – для коми). Таким же образом объясняют выбор немаркированного оформления прямого дополнения и ряд мариеведов. В частности, Б. А. Серебренников ([Серебренников 1964]), а вслед за ним и И. С. Галкин ([Галкин 1964]), считают, что наиболее важную роль играет в данном случае признак определенности / неопределенности. Определенные именные группы оформляются показателем винительного падежа *-əm-*, а неопределенные – не оформляются. Так, Галкин пишет ([Галкин 1964: 45]): “Винительный падеж с суффиксом *-m-* в современном марийском языке ... употребляется для выражения известного, определенного прямого

дополнения ... Если же нужно выразить неопределенное дополнение, обычно употребляется форма имени без суффикса *-m-*, совпадающая с формой именительного падежа”. Данная точка зрения поддерживается также Ю. Д. Андугановым ([Андуганов 1991: 70]): “Мы глубоко убеждены в том, что прауральский язык знал два способа выражения прямого дополнения: один из них был маркированным, а другой немаркированным, которые противопоставлялись по признаку определенности / неопределенности ... Противопоставление объектов по определенности / неопределенности ощущается и в современном марийском языке”.

2.1. Такая точка зрения связана с тем, что, действительно, в марийском языке некоторые типы именных групп в роли прямого дополнения, как правило, требуют оформления винительным падежом. Так, например, в позиции прямого дополнения оформление винительным падежом является обязательным для личных местоимений (8), именных групп с указательным местоимением (9) и именных групп с относительным придаточным, выраженным причастным оборотом (10). Во всех этих случаях варианты с опущенным показателем винительного падежа расценивались как неприемлемые.

(7) *məj təj-əm / *təj kəčal-aš kaj-em.*
я ты-ACC / ты искать-INF идти-PRS1SG
Я иду тебя искать.

(8) *joča-vlak ača-ž-ən tide pört-əm / *pört əšt-əm-əž-əm pal-at.*
ребенок-PL отец-POSS3SG-GEN этот дом-ACC / дом делать-INACTN-POSS3SG-ACC знать-PRS3PL
Дети знают, что отец построил этот дом.

(9) *memna čodəra-š ava-m-ən latkandaš ij-lan pölekl-əme*
мы лес-LAT мать-POSS1SG-GEN 18 год-DAT подарить-INACTN
*jom-šo šergaš-əm / *šergaš kəčal-aš kaj-en-na.*
потерять-PART кольцо-ACC / кольцо искать-INF идти-PRT-1PL
Мы пошли в лес искать потерявшееся кольцо, которое мама мне подарила на 18 лет.

Все эти именные группы являются определенными в силу референциальных свойств своих компонентов. Так, личные местоимения всегда являются определенными. Наличие указательного местоимения также говорит о том, что речь идет об известном референте. Определение, оформленное относительным оборотом, как правило, имеет рестриктивную функцию, а именно: выделить из числа объектов, обозначаемых вершинным именем, тот объект (или то множество объектов), который связан с ситуацией, описываемой относительным оборотом. Таким образом, именные группы с причастными оборотами также являются определенными.

2.2. К определенным именным группам относят также и имена собственные и существительные с possessивными показателями. И действительно, оформление прямого дополнения винительным падежом является более частотным для именных групп данного типа:

(10) *vatə-že liimən-ak marij-žə-m / *marij-že sərəkt-əm-əm*
жена-POSS3SG нарочно-EMPF муж-POSS3SG-ACC / муж-POSS3SG злить-INACTN-ACC
məj pal-em.
я знать-PRS1SG
Я знаю, что жена нарочно мужа разозлила.

(11) *maša-m / *maša vašlij-me deč ončəč me kečəval kočkəš-əm jamdəl-en-na.*
Маша-ACC / Маша встречать-INACTN перед мы обед еда-ACC готовить-PRT-1PL
Перед тем, как встречать Машу, мы приготовили обед.

В (10) прямое дополнение выражено существительным с possessивным показателем *marij-žə-m* “ее муж”, в (11) – именем собственным *maša-m*. Варианты с отсутствием показателя винительного падежа при данных существительных носителями языка были расценены как неприемлемые.

Однако ограничения, накладываемые на выбор оформления определенных именных групп, действуют далеко не всегда. Так, например, последние два типа именных групп (имена собственные, и существительные с possessивным показателем) в позиции прямого дополнения могут не иметь показателя винительного падежа. Сравним, например, (10) и (12), (11) и (13) соответственно:

(12) *peť'a-n möngö tol-mekə-že kid-əm / kid-še*
Петя-GEN домой прийти-CONV-POSS3SG рука-ACC / рука-POSS3SG
muš-m-əž-əm məj už-əm.
мыть-INACTN-POSS3SG-ACC я видеть-AOR1SG
Я видел, что Петя, как только пришел домой, помыл руки.

- (13) *ivan kəʃal-m-əm məj uʒ-ən-am.*
 Иван искать-INACTION-ACC я видеть-PRT-1SG
 Я видел, как искали Ивана.

2.3. С другой стороны, в именных группах с неопределенными местоимениями показатель винительного падежа часто обязателен:

- (14) *vas'a ala-mogaj istorij-əm / *istorij kalaskal-aš šon-en no məj*
 Вася какая-то история-ACC/ история рассказывать-INF думать-PRT3SG но я
om pale mogaj-əm.
 he.1SG знать какой-ACC
 Вася собирался рассказать какую-то историю, но я не знаю, какую.

На то, что определенность ИГ в позиции прямого дополнения не является ни необходимым, ни достаточным условием для ее оформления винительным падежом, неоднократно указывал Г. М. Тужаров в своих работах, говоря о том, что на определенные и неопределенные имена в равной степени могут указывать как немаркированные имена, так и имена с аффиксом ([Тужаров 1986], [Тужаров 1987], [Тужаров 1998] и др.).

2.4. Таким образом, референциальные свойства именной группы, задаваемые как семантикой ее компонентов, так и ее морфологическим оформлением, могут существенным образом влиять на возможность отсутствия показателя винительного падежа. Однако, данный фактор, как это было показано выше, не является определяющим.

3. Коммуникативная организация высказывания

3.0. Наличие многочисленных примеров, аналогичных примерам (14) и (15), во многих тюркских и финно-угорских языках, заставляет исследователей искать другие факторы, влияющие на выбор оформления прямого дополнения.

В последнее время многие исследователи финно-угорских языков, занимаясь самыми различными проблемами, связанными с оформлением именных групп (маркирование зависимого в именной группе, маркирование прямого дополнения), а также проблемами глагольного согласования (выбор объектно-субъектного vs. субъектного спряжения переходного глагола^{iv}) все чаще обращаются к вопросу о коммуникативной организации высказывания. Оказывается, что этот фактор является одним из определяющих при выборе того или иного способа оформления.

При описании коммуникативной структуры высказывания выделяют различные категории, затрагивающие разные ее аспекты (ср., например, оппозиции тема vs. рема, топик vs. комментарий, данное vs. новое и т.п.). Не разбирая подробно проблему соотношения всех этих понятий, будем говорить о коммуникативном членении высказывания, имея в виду деление высказывания на тему (то, о чем сообщается в высказывании) и рему (то, что сообщается о теме). Следует также учитывать, что элементы каждого из вышеназванных компонентов высказывания также могут быть неравноправны между собой с точки зрения коммуникативного членения. Так, один из компонентов может включать вторичную тему (ср., например, русск. ... *но к людям / он // равнодушен* [Ковтунова 1976: 53]). Кроме того, хотя вся глагольная группа может входить в рему высказывания, часто только один ее элемент несет в себе ту новую информацию, ради которой произносится данное высказывание (в русском языке именно на этом элементе стоит фразовое ударение). Так, в предложении *Миша / прочитал книгу о попугаях* наиболее информативно значимым является ровно один элемент: *о попугаях*. Для выделения одного из элементов высказывания могут использоваться специальные средства, например, частицы. Так, в предложении *То, что сын получает только ПЯТЕРКИ, радуется Ивана Петровича* зависимая предикация целиком относится к теме высказывания, при этом находящаяся в ней именная группа *пятерки* выделена с помощью частицы *только*. Таким образом, существенным является тот факт, что разные элементы одной синтаксической составляющей, в нашем случае, глагольной группы, могут либо представлять единое целое с точки зрения коммуникативного членения предложения, либо могут иметь разные коммуникативные статусы.

На значимость соотношения коммуникативных статусов прямого дополнения и предиката, от которого оно зависит, указывают многие тюркологи. Так, в ряде работ отмечается, что немаркированное прямое дополнение должно занимать то же положение в актуальном членении предложения, что и предикат. Оформленное прямое дополнение может занимать отличную от предиката позицию, т.е. как позицию темы, так и позицию ремы (см., например, [Johanson 1977] относительно турецкого языка, [Muravyova 1992] относительно тувинского языка и др.).

3.1. Некоторые исследователи марийского языка также отмечают важность коммуникативной роли прямого дополнения при решении вопроса о выборе его оформления. В частности, в работе [Пенгитов 1961] отмечается, что если прямое дополнение относится к нефинитной форме глагола и говорящий “не акцентирует на нем внимания”, то суффикс винительного падежа опускается ([Пенгитов 1961: 67]). Действительно, немаркированное прямое дополнение чаще встречается в контекстах, где оно образует вместе с предикатом единое целое с точки зрения коммуникативного членения:

- (15) *ava joča-ž-əm kuməž-šovla muš-m-əlan tunəkt-en.*

мать ребенок-POSS3SG-ACC посуда мывать-INACTN-DAT учить-PRT3SG
Мать научила ребенка мыть посуду.

- (16) *maša tuvər urg-aš jörata.*
Маша рубашка шить-INF любить.PRS.3SG
Маша любит шить рубашки.

В примерах (15) и (16) глагольная группа, включающая предикат и прямое дополнение, не членится на части с точки зрения коммуникативного статуса ее элементов. Она обозначает некоторую генерическую ситуацию, а именно постоянное занятие. Эта ситуация и находится в реме в обоих высказываниях.

Разберем подробнее, каким образом коммуникативный статус прямого дополнения и предиката, от которого оно зависит, влияет на выбор его оформления. Для этого рассмотрим три типа соотношения коммуникативных статусов прямого дополнения и предиката:

- прямое дополнение образует с предикатом единое целое с точки зрения коммуникативной структуры высказывания;
- прямое дополнение является темой высказывания или вторичной темой, предикат находится в рематической части;
- прямое дополнение в отличие от предиката является ремой высказывания (выделенным элементом в реме).

Отметим, что и при типе b., и при типе c. прямое дополнение и предикат, от которого оно зависит, имеют разный коммуникативный статус, то есть они отделены друг от друга с точки зрения коммуникативной структуры высказывания, в то время как при типе a. они имеют один и тот же коммуникативный статус.

Тип a.

Данный тип коммуникативного членения глагольной группы представлен в примерах (15) и (16), где прямое дополнение не имеет показателя винительного падежа. Рассмотрим также следующий пример:

- (17) – *pet'a-lan [mo-m əšt-aš] küil-eš?*
Петя-DAT что-ACC делать-INF быть.нужным.PRS3SG
– *pet'a-lan [pareŋge erəkt-aš] küil-eš.*
Петя-DAT картошка чистить-INF быть.нужным.PRS3SG
Пете что нужно сделать? Пете нужно картошку почистить.

Как известно, частный вопрос служит хорошим тестом для выделения рематической части высказывания, а именно, к реме относится та часть высказывания, которая собственно и служит ответом на данный вопрос. В (17) зависимая предикация целиком (“картошку почистить”) является ответом на вопрос о том, что нужно сделать Пете. Таким образом, вся глагольная группа относится к рематической части высказывания (ср. также (15) и (16)), то есть с точки зрения коммуникативной структуры высказывания она оказывается нерасчлененной. В данном случае, как в (15) и в (16), мы имеем немаркированное прямое дополнение.

Тип b.

Теперь рассмотрим ситуацию, относящуюся к типу b. Для этого сравним следующие два примера:

- (18)а. *ava-m mušked-en. vurgem-əm / *vurgem šakal-aš küil-eš.*
мать-POSS1SG стирать-PRT3SG белье-ACC / белье вешать-INF быть.нужным-PRS3SG
Мама постирала. Белье нужно повесить.

Сравним (18а) с (18б):

- б. *vurgem / vurgem-əm šakal-aš küil-eš.*
белье / белье-ACC вешать-INF быть.нужным-PRS3SG
Нужно повесить белье.

Высказывание (18б), взятое вне контекста, допускает разные интерпретации. В том числе, оно может служить ответом на вопрос: “Что нужно сделать?” (тип a.). При такой интерпретации вся глагольная группа целиком относится к реме высказывания. Прямое дополнение в (18б) может не присоединять показателя винительного падежа. В (18а) это же высказывание может иметь только одну интерпретацию, предопределенную контекстом. Первое высказывание *Мама постирала* имплицитно предполагает существование постиранного белья, которое вводится во втором высказывании в качестве темы. Во втором высказывании относительно именной группы *vurgem* “белье” сообщается новая информация, а именно, что с этим бельем нужно сделать. Иными словами, в (18а) прямое дополнение и предикат разделены с точки зрения коммуникативной структуры высказывания: прямое дополнение находится в теме высказывания, а предикат – в реме. В данном случае, как видно из примера, опущение показателя винительного падежа недопустимо. Таким образом, если прямое дополнение попадает в пресуппозиционную часть высказывания (входит в его тему или является вторичной темой высказывания), оно должно быть оформлено винительным падежом.

Исходя из этого, можно объяснить ограничения на выбор оформления прямого дополнения, обусловленные порядком слов. Дело в том, что в марийском языке прямое дополнение, отделенное от предиката какими-либо другими словами, обязательно присоединяет маркер винительного падежа^v. Сравним (19a) и (19б):

(19a) *rvez-en motorənpočelamut lud-m-əž-lan tunəktəšo kuan-en.*
 мальчик-GEN хорошо стихотворение читать-INACTN-POSS3SG-DAT учитель радоваться-
 PRT3SG

б. *rvez-en počelamut-əm/ *počelamut motorən lud-m-əž-lan ...*
 мальчик-GEN стихотворение-ACC / стихотворение хорошо читать-INACTN-POSS3SG-DAT
 Учитель рад, что ученик хорошо читает стихи.

В примере (19a) прямое дополнение *počelamut* “стихотворение” стоит непосредственно перед предикатом и не присоединяет показателя винительного падежа. В (19б), где прямое дополнение отделено от предиката наречием “хорошо”, суффикс винительного падежа при существительном *počelamut* обязателен. Как показывают типологические исследования, в языках с порядком слов SOV рематический элемент (собственно новое) имеет тенденцию занимать позицию непосредственно перед предикатом, независимо от его семантической или синтаксической роли. Марийский язык с точки зрения базового порядка слов принадлежит именно к такому типу, так что данная тенденция характерна и для него. В (19б) собственно новым является то, как ученик читает стихи, точнее было бы перевести (19б) как “Учитель рад, что стихи мальчик читает хорошо”. Следовательно, прямое дополнение и предикат попадают в разные с точки зрения коммуникативного членения части высказывания.

Тип с.

Обратимся теперь к ситуации, когда прямое дополнение является ремой высказывания. Вернемся к примеру (1в), приведенному в начале статьи, повторив его в (20):

(20) – *tide materjal gəč mo-m urg-aš lij-eš?*
 этот материал из что-ACC сшить-INF можно-PRS3SG
 – *tuvər-əm/ *tuvər urg-aš lij-eš.*
 – платье-ACC / платье сшить-INF можно-PRS3SG
 Что из этого материала можно сшить? – Можно платье сшить.

Во втором высказывании прямое дополнение *tuvər-əm* “платье-ACC” является неопределенной именной группой. Тем не менее, оно оформляется показателем винительного падежа, который в данном примере обязателен. Второе высказывание является ответом на частный вопрос к прямому дополнению. То есть, предполагается известным, что из данного материала можно что-то сшить, а неизвестным, новым, является то, что именно можно сшить. Предикат “сшить”, актуализованный в первом высказывании, входит в тему второго высказывания, в то время как существительное *tuvər-əm* служит ответом на вопрос, и, следовательно, является ремой.

Таким образом, и в случае, когда прямое дополнение находится в теме высказывания (тип б.), и в случае, когда оно является ремой (тип с.), оформление прямого дополнения винительным падежом обязательно. Если оба элемента глагольной группы образуют единое целое с точки зрения коммуникативной структуры высказывания, показатель винительного падежа опускается (тип а.).

Основываясь на описанном выше действии фактора коммуникативной структуры высказывания, тот факт, что именно определенные именные группы чаще оформляются винительным падежом, можно объяснить с точки зрения коммуникативного членения. Как известно, такие именные группы либо относятся к уже упомянутым ранее объектам, либо их известность имплицитно вытекает из контекста или знаний о мире. Следовательно, они, как правило, не являются собственно “новым” в высказывании, и относятся к его пресуппозиционной (тематической) части. Часто в такой ситуации, как и в примере (18a), собственно новым элементом информации, находящимся в фокусе, оказывается предикат. В таком случае элементы глагольной группы имеют разные коммуникативные функции, иначе говоря, прямое дополнение оказывается отделенным от предиката с точки зрения теморематического членения высказывания.

Учитывая данный фактор, становится также возможным объяснить рассмотренные в п.2.2. случаи, когда определенные именные группы не получают аккузативного оформления. Как отмечается во многих работах, посвященных информационной структуре высказывания, тот факт, что информация актуализована в предшествующем контексте или выводима из него, еще не означает, что она обязательно относится к пресуппозиционной части высказывания. Эта информация может также входить и в рематическую часть высказывания. Этим и объясняется существование примеров, где определенная именная группа в позиции прямого дополнения не оформляется винительным падежом. Так, в примере (14) из п.1.3. новым является вся глагольная группа “помыл руки”, несмотря на то, что именная группа *kid-še* “его руки” является определенной. Предложение (14) можно перефразировать примерно следующим образом: “Я видел, что Петя, придя домой, осушил некоторое действие, а именно, мытье рук”.

На основе разобранных выше примеров можно сформулировать следующее правило оформления прямого дополнения:

- если прямое дополнение и предикат неравноправны с точки зрения той роли, которую они играют в информационной структуре высказывания, то показатель винительного падежа при прямом дополнении обязателен,
- если они образуют единое целое, показатель винительного падежа опускается,
- если контекст допускает двоякую интерпретацию глагольной группы – и как расчлененной, и как нерасчлененной – возможны оба способа оформления.

Исходя из предложенного выше анализа, можно сделать вывод, что в случаях, где не действуют строгие грамматические ограничения, фактор коммуникативной структуры высказывания является решающим.

3.2. Подтверждением сформулированному выше правилу может служить также кодирование прямого дополнения в различных типах конструкций, где один из элементов высказывания выделяется специальными средствами, например, в конструкциях с контрастивным выделением (А, а не В) или в альтернативных вопросах (А или В).

Так, например, если фокусом контраста является как предикат (тип b.), так и прямое дополнение (тип c.), требуется обязательное оформление прямого дополнения винительным падежом:

(20) *kniga-m* / **kniga* *lūd-aš* *kūl-eš*, *a* *kušked-aš* *ogəl*.
книга-ACC / книга читать-INF быть.нужным-PRS3SG а рвать-INF не.быть.3SG

Книги читать нужно, а не рвать.

(21) *tide materjal* *gəč tuvər-əm* / **tuvər* *urg-aš* *kūl-eš*, *a*
этот материал из платье-ACC / платье сшить-INF быть.нужным-PRS3SG а
jupk-et-še *təj-ən* *təč*.
юбка-POSS2SG-PT ты-GEN много

Из этого материала платье надо шить, а юбок у тебя полно.

В (20) фокус контраста находится на предикате, прямое дополнение же входит в пресуппозиционную часть высказывания. В (21) фокусом контраста (контрастной ремой) является прямое дополнение *tuvər-əm*. И в том, и в другом случае вариант с опущением показателя винительного падежа расценивается как недопустимый.

Если фокусом контраста является вся глагольная группа, показатель винительного падежа не обязателен. Сравним (20) и (21) с (22):

(22) *məj-əm* *urem-ašte* *kəlm-əm-aže* *ogəl*, *a* *upš-əm* / *upš*
я-ACC улица-ESS мерзнуть-INACTN-POSS3SG не.быть.3SG а шапка-ACC / шапка
upšal-m-aže *kuandar-a*.
надевать-INACTN-POSS3SG радовать-PRS3SG

Меня радует, что он не мерз на улице, а шапку надел.

В (22) ситуация “мерзнуть на улице” противопоставляется ситуации “надеть шапку”. В фокусе контраста оказывается вся глагольная группа (тип с.). В (22) возможны оба оформления прямого дополнения.

Аналогичное поведение прямого дополнения можно наблюдать и в альтернативных или общих вопросах:

(23) *čaj-əm* / **čaj* *ašt-aš* *kūl-eš* *ale* *kof²-əm?*
чай-ACC / *чай сделать-INF быть.нужным-PRS3SG или кофе-ACC
Чай сделать или кофе?

(24) *šör-əm* / **šör* *erəkt-aš* *ale* *šolt-aš* *kūl-eš?*
молоко-ACC / молоко подогреть-INF или варить-INF быть.нужным-PRS3SG
Молоко вскипятить или просто подогреть?

(25) *čaj* *ašt-aš* *kūl-eš* *mo?*
чай делать-INF быть.нужным-PRS3SG ли
Не нужно ли чай сделать?

В (23) фокусом вопроса является прямое дополнение, а зависимый предикат находится в пресуппозиционной части (тип с.): говорящий знает, что нужно что-то приготовить, но не может выбрать из двух альтернатив, что именно нужно приготовить. В (24), наоборот, прямое дополнение “молоко” относится к теме высказывания, в то время как предикат является фокусом вопроса (тип b.): говорящий знает, что что-то нужно сделать с молоком, но не знает, какую именно из двух альтернатив нужно выбрать. В обоих случаях оформление прямого дополнения винительным падежом является обязательным. Что касается примера (25), то в нем общий вопрос относится к ситуации в целом (тип. а.). На это указывает

местоположение вопросительной частицы *mo*. Если бы, например, вопрос относился к прямому дополнению ('ЧАЙ (ли) нужно сделать?'), то вопросительная частица следовала бы сразу за ним. То есть, в (25) глагольная группа образует единое целое с точки зрения коммуникативного членения. В данном случае показатель винительного падежа может быть опущен.

Таким образом, оформление прямого дополнения в рассмотренных выше конструкциях подтверждает сформулированное в п. 3.1. правило. Выделение одного из компонентов глагольной группы ведет к обязательному оформлению прямого дополнения винительным падежом. Если вся глагольная группа целиком оказывается выделенной, то прямое дополнение может не иметь аккузативного оформления.

3.3. Как известно, одним из средств маркирования коммуникативного статуса являются различные выделительные частицы (например, частица *только* в русском языке маркирует рему ([Ковтунова 1976])). Оформление прямого дополнения в контексте такого рода частиц в марийском языке может служить дополнительным подтверждением сформулированного выше правила^{vi}.

(26) *maSa tuvEr-Em / *tuvEr mo urg-aS jOrat-a?*
 Маша рубашка-ACC / рубашка ли шить-INF любить-PRS3SG
 Маша РУБАШКИ любит шить?

(27) *pələš-əm-ak / *pələš-ak šüt-əm-et-lan kuan-en-am.*
 ухо-ACC-PT / ухо-PT прокалывать-INACTN-POSS2SG-DAT радоваться-PRT-1SG
 Я рада, что ты именно уши проколола, [а не нос].

(28) *məlam nimo-m cij-aš. jupk-əm-at / *jupk-at, Sovər-əm-at/ *šovər-at*
 я-DAT ничего-ACC надеть-INF юбка-ACC-PT юбка-PT поддевка-ACC-PT / поддевка-PT
urg-aš kiił-eš.
 сшить-INF быть.нужным-PRS3SG
 Мне нечего надеть. Нужно и юбку, и поддевку (нац. одежда) сшить.

В (26) прямое дополнение выделено с помощью вопросительной частицы *mo*, в (27) – с помощью частицы *-ak* 'именно', в (28) – с помощью частицы *-at* 'же, даже'. Во всех этих примерах прямое дополнение обязательно должно иметь показатель винительного падежа. Таким образом, при выделении прямого дополнения одной из эмфатических частиц оформление его винительным падежом обязательно.

Сравним, однако, (28) и (29):

(29) *šür-at šolt-aš kiił-eš.*
 суп-AT сварить-INF быть.нужным-PRS3SG
 И суп надо сварить [и пол подмести].

В данном примере прямое дополнение не имеет показателя винительного падежа, хотя и присоединяет выделительную частицу *-at*. Однако пример (29) не нарушает общего правила, поскольку, несмотря на то, что частица присоединяется к прямому дополнению, сферой ее действия является вся зависимая предикация целиком (тип а.).

Как можно видеть, правила оформления прямого дополнения при выделении его различного рода коммуникативными частицами также подтверждает сформулированное в п.3.1. правило: в случае, если прямое дополнение и предикат, от которого оно зависит, имеют разные коммуникативные статусы, требуется обязательное оформление прямого дополнения винительным падежом.

4. Выводы.

Итак, при описании проблемы кодирования прямого дополнения в марийском языке исследователями подробно рассматривались синтаксические ограничения на выбор немаркированного прямого дополнения. Большое внимание в литературе уделялось также вопросу о связи способа оформления с референциальным статусом именной группы. Именно этот фактор часто считают решающим в данном вопросе. Однако многочисленные примеры, нарушающие действие данного фактора, заставляют некоторых исследователей прийти к выводу, что семантика именной группы не влияет на оформление прямого дополнения. Предложенный анализ показывает, что, несмотря на то, что падежное оформление однозначно не соотносится с определенностью / неопределенностью именной группы, можно наметить ряд тенденций в употреблении форм винительного падежа с различными типами именных групп.

Ряд мариеведов отмечают также, что в данном случае большое значение имеет коммуникативная роль прямого дополнения, однако не расшифровывают подробно, в чем это выражается. Между тем, если учитывать результаты исследований, посвященных оформлению прямого дополнения в тюркских языках, становится очевидным, что данный фактор заслуживает более подробного анализа. Поставив себе целью провести такого рода исследование, мы рассмотрели, как может оформляться прямое дополнение при различных типах коммуникативного членения высказывания, а также в разных типах выделительных конструкций.

В результате можно прийти к выводу о том, что в марийском языке, как и в ряде тюркских языков, большое значение для решения проблемы так называемого неформленного аккузатива имеет вопрос о

соотношении коммуникативных статусов именной группы и предиката. Именно данный фактор имплицитно связывает оформление именной группы, занимающей позицию прямого дополнения, с ее референциальным статусом, и позволяет объяснить случаи несоответствия. Таким образом, фактор коммуникативной структуры высказывания является определяющим для выбора оформления.

Список сокращений

ACC	винительный падеж	PRS	презенс
DAT	дательный падеж	PRT	претерит
GEN	родительный падеж	AOR	аорист
ESS	эссив	INACTN	имя действия
LAT	латив	INF	инфинитив
POSS	притяжательные суффиксы	PART	причастие
SG	единственное число	CONV	деепричастие
PL	множественное число	PT	эмфатическая частица
1, 2, 3	1-е лицо, 2-е лицо, 3-е лицо		

Литература

- Johanson L. 1977. Bestimmtheit und Mitteilungsperspective im türkischen Satz. // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Supplement. III/2, 1186-1203.
- Muravyova I. 1992. Unmarked noun form in Turkic languages: a typological point of view. // Altaic Religious Beliefs and Practices. Proceedings of the 33rd Meeting of the Permanent International Altaistic Conference, Budapest.
- Алатырев В. И. (ред.) 1970. Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения. Ижевск: "Удмуртия".
- Андуганов Ю. Д. 1991. Историческая грамматика марийского языка. Синтаксис. Часть 1. Введение. Субстантивные словосочетания. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство.
- Галкин И. С. 1964. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Часть 1. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство.
- Ковтунова И. И. 1976. Современный русский язык: порядок слов и актуальное членение предложения. М.: «Просвещение».
- Кононов А. Н. 1956. Грамматика современного турецкого литературного языка. М., Л.: Академия наук СССР.
- Пенгитов Н. Т. 1951. Причастия в марийском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., Л.: Институт языкознания академии наук СССР.
- Пенгитов Н. Т. 1961. Имя существительное. // (Пенгитов Н. Т. ред.) Современный марийский язык. Часть 2: Морфология. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1961.
- Серебренников Б. А. 1964. О современной и древней системе марийских падежей // Вопросы марийского языкознания, вып. 1, Йошкар-Ола, 1964.
- Тужаров Г. М. 1998. Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Йошкар-Ола.
- Тужаров Г. М. 1986. Проблема немаркированного аккузатива в марийском языке // Советское финно-угроведение, т. 22, №2.
- Тужаров Г. М. 1987. К вопросу о существовании немаркированных падежей в марийском языке // Советское финно-угроведение, т. 23, №1.
- Цыпанов Е. А. 1997. Причастие в коми языке: история, семантика, дистрибуция. Екатеринбург: Российская Академия Наук, Уральское отделение.

ⁱ Здесь и далее * обозначает, что данный пример был расценен носителями марийского языка с. Старый Торъял как недопустимый.

ⁱⁱ Оставляем в стороне возможность употребления неоформленного прямого дополнения в финитной предикации в случае, если оно представляет собой существительное с possessивным показателем 1-ого или, что гораздо реже, 2-ого лица. Как нам кажется, данные случаи необходимо рассматривать отдельно, поскольку факторы, влияющие на выбор такого оформления, имеют иную природу. Ср., например:

avamušemnur jal gəʃən nalən.

мать Ушемнур деревня из взял

[Отец] взял в жены **мою** мать из деревни Ушемнур.

Очевидно, что в данном примере морфемное членение словоформы *avam* представляет определенную трудность. Непонятно, следует ли считать показатель *-m-* possessивным суффиксом *-em-* или суффиксом аккузатива *-am-*. По всей вероятности, в такого рода примерах происходит стяжение *em + am*.

ⁱⁱⁱ В работе [Тужаров 1987] приведен пример, где как подлежащее, так и прямое дополнение оформляются именительным падежом, однако на нашем материале подобных случаев не встретилось.

^{iv} Ср. выбор субъектно-объектного спряжения в венгерском, ненецком и др. финно-угорских языках. Выбор данного типа спряжения традиционно связывался также с определенностью именной группы. В последнее время все больше исследователей связывают этот выбор с фактором коммуникативной структуры высказывания.

^v См. также [Тужаров 1986].

^{vi} На невозможности немаркированного прямого дополнения в контексте выделительных частиц указывал также Тужаров ([Тужаров 1986: 102]).